

Комната Рокуды пребывала в полумраке. Не оттого, что ему выделили плохо освещенную комнату, и, конечно же, не оттого, что синяя даль, только озарялась благословением богини солнца — Аматерасу.

Комната была не большая, и как предположил бывший ронин, служила прежде слугам клана, вовсе не относящимся к военному сословию. То, что ему выделили комнату простого слуги, в прежние времена покорило бы чувство собственного достоинства. Ныне же, самураю было все равно.

Проснувшись раньше остальных, Рокудо пребывал в бездействии. Лишь молча наблюдая за окружающим миром, улавливая шаги в коридорах и едва слышимый говор прочих слуг. Он не сомневался в том, что другие обитатели усадьбы, недолюбливали его. Конечно, неприязнь в отношении его, была отчасти справедлива. Ведь, он попытался убить князя, и теперь, то ли из-за прихоти судьбы, то ли князя, Рокудо служил ему.

Стоило вспомнить тот вечер и разговор с князем, как против воли, по телу пробежали мурашки. Самурай принял бы тот разговор за плод воспаленного ума, но окружавшая комната и новое положение, уверяли его в обратном. Живя в усадьбе больше недели, самураю не доводилось больше встретиться с князем. Даже в тренировочных поединках с воинами клана, князь не желал появляться. В этом, без сомнения винули его, Рокудо.

Конечно, никто и слово укора не бросил в его сторону. Но, в этом не было необходимости. Выражения лиц было красноречивей слов. Пожалуй, многих сильно бесило и то, что бывший ронин вел себя, как ни в чем не бывало, легко отстраняясь от всех.

Спокойствие это хоть и не было напускным, но его не могла не тревожить мысль о своей службе. Нутром понимая, что нового разговора с князем не избежать, самурай, так или иначе, пребывал в раздумьях. Без поддержки остальных слуг князя, добрую службу не сослужить.

Но будучи, как бы в опале, Рокуде приходилось надеяться только на себя. Эта мысль не была для него нова. Привыкший надеяться лишь на себя, самурай не видел в этом ничего такого. Перед ним хоть и не стояла определенная цель, сам самурай с того вечера для себя уже решил, выслужиться перед князем и занять достойное место подле него.

За это место, он был готов сразить любого, неважно, враг ли это, или друг. А уж тех, на кого укажет князь, Рокудо был готов утопить в крови.

Можно ли назвать его кровожадным? Вполне. Но, пожалуй, самурай удивился бы, ведь для него это было усердием и рвением, ни больше, ни меньше.

— Собирайся. Нас ждут, — нарушил тишину голос Нитто.

Казалось, мир Рокудо содрогнулся, от внезапного вмешательства. Мысли улетучились второпях, но он не показал видом, что был, застигнут врасплох.

Рокудо не пытался ни с кем сблизиться. Лица прочих слуг мелькали перед его глазами, словно безмолвные маски. Но, как бы там ни было, поручение и волю вышестоящих передавал ему этот парень, Нитто.

Нитто в свою очередь, тоже всегда стоял особняком от других. Не то, чтобы Рокудо тут же увидел в нем родственную душу, но уже то, что Нитто мало говорил, характеризовало его в положительном виде. Ведь, настоящий мужчина не тот, кто многословен.

Пожалуй, Рокудо чувствовал заинтересованность Нитто. Последний не выказывал открытой неприязни, как и добрую волю. Несмотря на то, что никто не мог совладать в открытом, тренировочном бою с ним, с бывшим ронином, сам самурай отменил мысль, что, такого как Нитто могло заинтересовать его умение.

Рокудо не смог ничего лучшего придумать, как-то, что присутствие ронина и потенциального убийцы могло нервировать окружающих, и в частности, настораживать Нитто. Ведь община очень радела о здоровье князя.

Бывшего ронина удивило бы, узнай, что многие, молча, завидовали ему. В том, что у князя свои цели насчет Рокудо, в этом никто не сомневался. Достигнув успеха, не состоявшийся убийца мог рассчитывать на определенное место в клане. Не каждому предоставляется такая возможность.

Послушник Нитто, в свою очередь, силился понять замыслы князя. Видя умение и качества бывшего ронина, он понимал, что что-то упускает из виду.

— Бокены можешь оставить, — донёсся голос Нитто из-за сёдзи.

Оставив в углу, деревянные мечи, взгляд Рокудо невольно остановился на катане. Хоть ему и не запрещали носить оружие, самурай решил поступить мудро, походить без оружия, до поры до времени. Дабы не нервировать особо пугливых слуг князя.

Выйдя из комнаты, бывший ронин последовал за Нитто.

В коридорах им никто не встретился, что уже подчеркивало для Рокудо одно, этот день будет незаурядным. Самурай справился с порывом и не задал вопроса. Зная повадки князя не понаслышке, он правильно решил, что не найдется ни одного человека в усадьбе, кто бы знал задумку князя Ямамото.

Возле сёдзи главного зала, их поджидала Масатеру. Девочка, кивнув в знак приветствия, промолвила и открыла двери:

— Вам велено, ожидать здесь...

Комнатка эта, располагалась рядом с залом. Рядом с главным залом усадьбы, как и в резиденциях, находились небольшие комнатки. В этих комнатках, обычно сидели слуги, готовые по приказу господ выполнить любую просьбу.

Сёдзи, служившие не только дверью, но и стеной, разделяли комнаты между собой. Посторонний, мог легко заблудиться в них.

Заняв сидячее положение, Нитто и Рокудо молча уставились на белые стены. Хоть голоса из зала долетали до них, они не могли разобрать, что же там обсуждалось.

Краем глаза, бывший ронин заметил, что Нитто всё так же, держит во рту соломинку. Понимание того, что решается его судьба, отступило.

Тем временем, в зале, разговоры не затихали.

— Канске, ты поступил не дальновидно, оставив в живых этого ронина. На него нельзя рассчитывать...

Санада Нобуцуна, сидевшая, как и остальные присутствующие перед князем, обвела других взглядом, будто ища единомышленников.

Канске в свою очередь, лишь примирительно улыбнулся.

— Уж не говорить ли в тебе обида? Как нам известно, ты не смогла одолеть Рокудо.

Справившись, Нобуцуна промолвила:

— Признаю, он умелый воин. Но прошу заметить, что и он не вышел победителем из той схватки. Мастер, если вы действительно подумали так, то вы меня, тем самым оскорбили...

Услышав это, Канске неподдельно удивился. Как часто до него доходили слова, в которых воины восславляли Нобуцуну. Слова эти были справедливы, ведь подготовкой воинов и новобранцев, занималась его ученица. Не говоря уже, о прошлых битвах, где командование над войском было отдано Санаде Нобуцуне.

Канске никак не ожидал, что повзрослевшая во всех смыслах Нобуцуна, будет так ярко цепляться за его слова, ища одобрение и огорчаясь упрекам.

— Запомни, обижаться стоит лишь тогда, когда тебя хотят обидеть. В иных случаях, это проявление незрелости...

Услышав слова князя, Нобуцуна поклонилась. Пожалуй, даже Канске не понимал свое влияние на ученицу.

— Если, мне дозволено будет сказать, — начала Митохиса.

— Простив не состоявшего убийцу и взяв его на службу, вы удивили многих. Лишь, благородным доступна такая мудрость. Мне кажется, он готов последовать за вами, хоть на смерть...

Глядя, не белокурые волосы и синие глаза, Канске гадал, как случилось так, что Митохиса служила ему, на равне с вассалами. И самое странное, никто в этом не видел ничего такого. Будто она, не была из императорского рода, а с детства служила клану и общине.

Её умение, находить с людьми общий язык так, чтобы воздействовать на них, восхищало и пугало одновременно. И его не могло тревожить то, что Кирихара и община видели пользу в отношениях с ней. Не нужно далеко заглядывать, чтобы понять, отношения эти полностью зависели от самого Канске.

— Власть Сёгуна не вечна, но вот императора... — как-то намекнул, старик Кирихара.

Он не мог не заметить, что после этих слов, они с Митохисой начали встречаться, чуть ли не на каждом шагу. Вначале, вся эта ситуация смешила его. Но теперь же, заставляла задуматься.

— Ну, а что думаешь, ты, Кирихара?

— Воин, ставший ронином может называться самураем. Однако, не всякий ронин находить обратный путь. Те, кто лишились чести и увязли в грехах, будут навсегда нести свой тяжкий груз. Что касается Рокудо, достаточно лишь одного взгляда, чтобы сказать, он переступил порог дозволенного. Боюсь, он больше убийца, нежели самурай...

Сказав это, старик на минуту призадумался.

— Продолжай, — поторопил князь.

— Нам нужны такие люди. Где дрогнет рука простого воина, Рокудо не моргнет и глазом. Однако, управлять такими людьми очень сложно. Они ничего не боятся, и часто желают не то, что простые смертные. Такие люди, сродни диким зверям, которые вполне могут укусить кормящую руку. Признаться, я не разрешил загадку, как бы нам его приучить...

— Бесспорно, в обхождении с такими людьми, нужна мудрость. Они не боятся смерти, даже больше, они жаждут её. Если вы увидите человека, готового выйти один против сорока, то знайте, перед вами не простой смертный. Готовые умереть, они от каждого видят угрозу, смерть. Мудрость же как раз кроется в этом. Чтобы приучить такого зверя, надо превратиться в единственного в мире человека, от руки которого он не хотел бы умереть. Это единственный знакомый ему страх — не перед смертью, а перед тем, что ты его убьешь...

Слова князя открыли многое его сподвижникам. Но никто из них и не догадывался, что эта мудрость, была принесена из другого мира.

Пока они переваривали услышанное, уловив кивок Канске, Рен поспешила открыть сёдзэ, тем самым пустив обоих во внутрь.

Ноги Рокудо, хоть и не дрожали, но сделались тяжелыми. Каждый шаг давался ему с трудом. Наконец, дойдя, Нитто и Рокудо застыли, ожидая приказ князя.

— Зима кончается, холодные дни уступают теплым. Не мне вам говорить, что для нас это многое значит. С приходом весны, нам станут угрожать Уэсуги. Воины Уэсуги, сами по себе, нам не страшны. Даже вассальные кланы Дзимбо, не смогут закрепиться в Хида. Но меня волнует генерал Кенсина, Кавагоэ. Даже Ёрицуна склоняется к мысли, что Кавагоэ способен принести нам вред...

После слов князя, никто не решился нарушить тишину. Набрав в легкие воздуха, Рокудо произнес:

— Вы желаете, чтобы мы умертвили этого Генерала?

Прежде чем ответить, князь взгляделся в лицо бывшего ронина, будто пытаясь прочесть его мысли.

— Нет. Ибо убить то его убьете, но, боюсь что после вам не выбраться живыми. Я хочу, чтобы вы украли у него табун лошадей...

Желание князя удивило присутствующих. Да, каждый боевой конь стоил много.

Потеря табуна, может сказаться на численности кавалерии. Но в целом, эта не такая потеря, которая могла бы сказаться на всем войске.

Эти и другие мысли отчетливо виднелись в лицах присутствующих.

— На это задание, вы отправляетесь вдвоем. Если вы вернетесь с успехом, я выполню одно ваше желание, в разумных пределах, конечно — произнес князь.

— Будет исполнено, — только и ответил Рокудо.

Замок Ковотари.

Жители провинции Овари со страхом вглядывались на юг, откуда, с приходом весны пребудут воины клана Имагава. Намерения Имагавы Ёсимото были известны всем. Та желала пройтись огнем и мечом, сея разруху и уничтожая всех, на пути в столицу.

Двадцати пяти тысячная армия могла легко сломить сопротивление в Овари. Эти войска, словно море, которое грозило затопить провинцию Овари.

В пограничье, люди уже убирались прочь. В замках же, набивали амбары, дабы подготовиться к осаде.

Капелька влаги, упавшая с крыши привлекла внимание Ноубуны. Внутренний двор, хоть и был в снегу, никто не знал, сколько это еще продлится.

Нобуна, как никто другой знала, что вассалы, заверявшие её в том, что они не сдадутся без боя, лукавили. Нет, увидев Имагаву, они не откроют двери. Но лишь будут выжидать, когда эта армия уйдет в сторону Коватари. В сторону города, где закрепились Нобуна.

Ведь нет надобности в осаждении каждого замка. Достаточно того, если им удастся взять город Ковотари, и покончить с жизнью Оды Ноубуны.

Эти и многие другие мысли, не давали ей покоя. Но больше всех её тревожило, что дождя в такой период не будет. А без воли богини Амевараши, Нобуна опасалась выдвигаться.

Уже который день, Нобуна приказывала своим вассалам праздновать и веселиться. Многие из слуг и жителей города, опять вспоминали ту нелестную кличку, «дура из Овари».

Заметив, как приближаются Такенака Ханбей и Акэти Мицухидэ, Нобуна внутренне встрепенулась.

После того, как они поклонились, Нобуна быстро спросила:

— Вы тоже считаете, что празднуем мы зря?

— Вовсе нет. Надо быть глупцом, чтобы не понимать, что город кишит лазутчиками Имагавы. Она небось уверовала в своих силах, слыша донесения о нас, — тут же ответила Такенака Ханбей.

— Скрывать свои силы и возможности, мудрая стратегия. Однако, многие из нас не знают, где вы решили дать бой врагам, — вставил свое слова Акэти Мицухидэ.

Понимая, что этот вопрос мучает не только их, но и каждого вассала, Нобуна ответила:

— Имагава будет спешить к нам. Чем больше она будет углубляться в наши земли, в то время когда мы будет оставаться на месте, тем больше вероятности, что она совершит ошибку...

Эти слова не были пустым звуком. Хотя, глядя на лиц этих двоих, Нобуна не знала, поняли ли они лежащую за словами мысль.

Но времени на раздумья не было. За воротами послышались крики. Каждый из них сразу понял, что случилось что-то важное. Спешивший в их сторону, Сагара Ёсихару, ныне известный как Хидэёси Хасиба, подчеркивал важность донесения.

— Они схватили наших шиноби, — задыхаясь, проговорил Хидэёси.

— Сару (обезьяна), говори внятно, — потребовала Нобуна.

Но в этом не было нужды, так как все сразу же поняли, о чем тот говорил.

— Имагава Ёсимото, схватила наших шиноби. Более того, она велела своим вассалам, провести их по всему лагерю и отпустить на все четыре стороны...

Жест Имагавы не остался без внимания. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уразуметь, чего добивалась Имагава Ёсимото. К тому же, нельзя исключать, что эта новость будет подана широкой массе.

Прикидывая все это в уме, Нобуна почувствовала, как земля уходит из-под ног. Силой воли, девушка сохранила спокойствие, и будто ничего не случившись, она произнесла:

— Пусть Имагава уверует в своей силе. Мы же, будем выжидать...

Все три вассала кивнули, да и только. Нобуна же, пребывая в тишине сада, неотрывно следила за каплями влаги, что устремившись, падали вниз.

<http://tl.rulate.ru/book/2255/122476>